

ИСТОКИ

*Истоки и предпосылки сближения
Казахи и Московская Русь
Казахи и петровская Русь
Впервые о русском подданстве
Война с Яицким городком*

Начало казахско-русских отношений датировать очень сложно. Тюрко-славянские связи имеют многовековую историю, и предки современных русских и казахов сталкивались между собой с самых древних времен. Разумеется, некорректно называть эти отношения «казахско-русскими», но именно тогда формировались некоторые особенности, характерные для более поздних времен. В этих отношениях было все: ожесточенные войны, крепкие союзы, торговля, культурное взаимовлияние.

Контурсы же собственно казахско-русских отношений начали проявляться лишь в эпоху распада Золотой Орды. Именно с этим периодом связана идентификация современного русского этноса. С этим же временем связан период обособления части кипчакских племен на основе ак-ордынского улуса, что впоследствии привело к образованию казахского этноса.

Ак-Орда¹ являлась восточным улусом (левым крылом) Золотой Орды и располагалась на большей части территории современного Казахстана. Ее правители, считая себя закон-

¹ Часть ученых считает, что восточный улус Золотой Орды правильнее именовать Кок-Ордой.

ными претендентами на престол Бату-хана, после пресечения ветви его потомков на протяжении десятилетий пытались возродить былую державу. Но ни одному из них, несмотря на отдельные успехи, добиться этого не удалось.

Только хан Абулхаир, захвативший власть в 20-х гг. XV в. на территории Восточного Дешт-и-Кипчака, решил отказаться от губительного курса предшественников. Он не стал расширять рубежи своей державы до прежних границ Великого Улуса. Это было мудрое решение. Небольшой (по меркам предков) улус оказался более управляемым, и Абулхаир сумел продержаться у власти около 40 лет. Он завоевал славу великого монарха на Востоке и умудрился ни разу не попасть на страницы русских летописей. Сын и преемник Абулхаира оказался не столь успешным, был быстро свергнут и убит.

Власть в восточных кипчакских степях захватили потомки первого хана Ак-Орды Уруса — Гирей и Джанибек, в официальной историографии считающиеся первыми казахскими ханами. Братья развили бурную деятельность, вытеснив все прежде находившиеся здесь и соперничавшие фамилии. Чагатаиды из Семиречья ушли в Восточный Туркестан, абулхаириды — в Мавераннахр, едыгеиды — в междуречье Яика¹ и Волги, потомки шибанида Хаджи-Мухаммеда — в Сибирь. В итоге в Восточном Туркестане возникло государство Могулия (Могулия), в Мавераннахре — государство Мухаммада Шейбани, появились Ногайская Орда и Сибирское ханство. Так сформировалась политическая карта времен позднего средневековья на всем пространстве Дешт-и-Кипчака, Сибири и Центральной Азии.

Разумеется, вытесненные урусидами другие кланы долго не смирились с поражением. Самой деятельной и энергичной политической фигурой являлся знаменитый Мухаммад Шей-

¹ Современная река Урал. Казахское название Жайык.

бани, который и прозвал династию урусидов казаками. Это название впоследствии распространилось на весь подвластный данной династии народ и стало этнонимом.

Сорокалетняя война против Мухаммада Шейбани отвлекла все силы казахских правителей и не давала им возможности активизироваться на других направлениях. Правда, русские князья получали от ногайских биев-едыгеидов обрывочные сведения, что их с востока теснят некие «казаки». Но в Москве считали, что речь идет о разбойничьих сообществах, разбросанных по Великой степи. Тем более что едыгеидам удавалось удерживать линию обороны по Яику.

Все изменилось после гибели Мухаммада Шейбани, когда руки казахских правителей, наконец, оказались развязаны. Осенью 1513 г. легендарный казахский хан Касым двинул свои войска на запад и нанес чувствительное поражение едыгеидам, которые ушли за Волгу. Этими событиями поспешил воспользоваться крымский хан, который решил ударить по ногайцам с другой стороны и выступил в поход летом 1515 г. Ногайцы, не принимая боя, вновь ушли на восточный берег Волги, где, вероятно, продолжились их столкновения с отрядами хана Касыма. В такой ситуации среди ногайской знати начались распри, в которые оказался втянут и астраханский хан Джанибек.

Приблизительно к этому же периоду относится установление дипломатических отношений между ханом Касымом и московским князем Василием III (1505–1533). О ходе переговоров конкретных данных не сохранилось. Имеется лишь опись царского архива, составленная в 70-х гг. XVI в. В ней среди прочего упоминается *«ящик 38. А в нем книги и списки казатцкие при Касыме царе»*.

По всей видимости, эти первые казахско-русские переговоры были связаны с намечающимся конфликтом. Казахский и астраханский ханы собирались начать боевые действия против Крыма и хотели заручиться поддержкой Василия III.

Однако хан Касым вскоре умер, и контакты были прерваны. Тем не менее в Москве узнали, что на востоке кипчакских степей есть сила, которую можно использовать в своих интересах. Казахские ханы также поняли, что при столкновениях с западными соседями они могут рассчитывать на поддержку Москвы. Отсутствие общей границы (т. е. зоны столкновения интересов) и наличие общего соперника, которого можно бить с двух сторон, — это были главные условия для крепких союзнических отношений. По той же причине казахские ханы поддерживали отношения с иранскими и халха-монгольскими правителями.

Следующие известные из источников казахско-русские переговоры начались во времена хана Хакназара и царя Ивана Грозного в начале 70-х гг. XVI в. Цель этих контактов — борьба против Ногайской Орды и Сибирского ханства.

Двусторонние отношения продолжились и во времена хана Тауекела, которого Москва хотела использовать против партизанившего в Сибири хана Кучума и его покровителя бухарского хана Абдуллы, являвшегося главным противником Москвы в регионе. Казахи в значительной мере оправдали эти ожидания, положив конец могуществу Мавераннахра. Вероятно, по этой причине попавший в плен казахский султан Ураз-Мухаммед был назначен царем Касимовского ханства и стал одним из самых высокопоставленных сановников Московской Руси.

О дальнейших контактах известно меньше, поскольку после смерти хана Тауекела Казахское ханство погрязло в междоусобицах. Но в продолжении русско-казахских контактов нет никаких сомнений. Известно, что в 1614 г. казахский хан по имени Омлыз (Абляз?) принял российское подданство. Вполне возможно, что именно ему принадлежала дарованная русским царем Михаилом Федоровичем сабля, хранившаяся впоследствии в коллекции буюкеевского хана Джангира.

В XVII в. казахско-русские отношения стали претерпевать серьезные изменения. Неуклонное расширение зоны влия-

ния русских властей и ее распространение на зону казахских интересов теперь стали серьезными поводами для конфликтов. На Яике образовался сильный казачий городок, который, может быть, не просуществовал бы столь длительное время во враждебном окружении, если бы на территории современного Западного Казахстана вдруг не появились ойраты. Эта часть откололась от основной массы ойратов в результате внутренних противоречий и решила обосноваться на новых землях. В литературе за ними закрепилось название калмыков, хотя калмыками (калмаками) тюрки называли всех ойратов без разбора.

Воинственные пришельцы разгромили Ногайскую Орду и вытеснили ее улусы за Волгу. Часть ногайских племен прикнута к казахам, и на базе этой группы образовался Младший жуз. Это время в казахском фольклоре известно как трагическая эпоха разделения надвое прежде единого народа. Ногайцы оказались выдавлены на запад, казахи были стиснуты между двумя ойратскими государствами — Джунгарией на востоке и Калмыцким ханством на западе. Тем не менее казахским ханам в тяжелой борьбе удалось удержаться. Как пишет В. В. Тренавлов, *«основное население Казахского ханства, отбиваясь от наступавших ойратов, держалось в районе Семиречья, иногда радуя Больших Ногаев вестями о своих победах над переселенцами из Монголии»*.

Калмыки вскоре после разгрома Ногайской Орды приняли русское подданство и прочно закрепились на новых землях вместе с казаками, терроризируя соседние народы. Чужеродность монголоязычных буддистов-калмыков в тюркско-мусульманском окружении стала залогом их относительной надежности для российских властей.

В таких условиях казахи перестали представлять интерес в качестве союзника для России. Теперь их интересы все чаще сталкивались. К примеру, казахские ханы претендовали на контроль над группами сибирских татар, которых рус-

ские власти, в свою очередь, считали своими подданными. Отряды казахских батыров стали совершать набеги на русские поселения.

Знаменитый хан Тауке предпринял попытку урегулировать отношения. В 1687 г. он направил посольство в Тобольск и освободил захваченных русских пленников, продемонстрировав намерение жить в мире с могущественным соседом. В письме Тауке-хана, доставленном посольством, говорилось: «Меж нами тма живота не дорого, надобно слава добрая меж нами; ныне подданным людям надобно покой и послы и торговые люди меж нами ездили, добрая слава меж нами хорошая будет без шерти на свете». После этого последовало еще несколько посольств, но затем ситуация изменилась: с 1690 г. казахи совершили ряд набегов на русские приграничные поселения.

«Во время моего пребывания в этом городе в нем и среди окрестного населения царил большой страх перед татарами калмыцкой и казахской орды, которые соединились и произвели набег на Сибирь, разорили много деревень, убили много людей и теперь угрожали самой Тюмени, от которой они отстояли не более чем на 15 миль. Правитель Тюмени срочно вызвал из Тобольска и других городов войско. Оно выступило в поход и заставило этих кочевых татар отступить с большими потерями» — так описал один из эпизодов того времени Избрант Идес, участник русского посольства в Китай.

Таким поворотом ситуации попытался воспользоваться джунгарский Галдан-Бошохту-хан. В ноябре 1691 г. его посланники довели до сведения тобольского воеводы С. И. Салтыкова, что *«ему, Бушухту хану, ведомо учинилось, что Казахьи Орды Тевки хановы люди приезжают под ваши государьские тобольские слободы воровски и те слободы разоряют и ваших государьских людей побивают и в полон емлют. И будет де вы, великие государи, позволите, и он де, Бушухуту хан, тех Тевки хановых людей от такова воровства уймет войною»*.

Но российские власти не стали заключать военного союза с джунгарским правителем, опасаясь его усиления. Лучше было время от времени подвергаться набегам казахов, нежели позволить джунгарам, к тому времени контролировавшим Восточный Туркестан, завладеть сырдарьинскими городами, а возможно, и Мавераннахром. В таком случае Россия получила бы слишком могущественного южного соседа, что никак не соответствовало ее геополитическим интересам.

Поэтому с казахскими набегами сибирские власти продолжали бороться собственными силами. Во время одного из таких налетов в плен к русским угодили посланцы Тауке-хана — Сары и Кильдей. Это были представители степной знати, пленение которых вызвало озлобление их родственников, которые организовали еще несколько опустошительных нападений на российскую границу.

Стремясь разрешить ситуацию, в июле 1692 г. российские власти направили в Туркестан посольство Андрея Неприпазова и Василия Кобякова. Однако Тауке не пожелал вести переговоров и арестовал российских посланцев. Набеги продолжились.

В один из таких набегов 15 июля 1693 г. отряд казахов и каракалпаков разграбил несколько деревень Ялutorовской слободы. При набеге много людей было убито и взято в плен. В погоню за кочевниками бросился один из командиров пограничных отрядов — боярский сын Василий Шульгин. 27 июля русский отряд настиг отступающих кочевников у озера Семискуль. *«И вчался бой крепок со обеих сторон... Василий Шульгин с двумя братьями, Яковом и Иваном, и с тобольскими детьми боярскими, и с казаками и татарами из беломестных, и со слободскими крестьянами на том бою вси у того Семискуля озера убиены были»* — повествует об этих событиях Есиповская летопись.

Хан Тауке продолжал добиваться освобождения Кильдея и писал Петру I: *«По сем челом бью, а после челобитья о добро-*

детели Вашему пресветлому величеству ведомо буди: о добром деле послал дву человек в посланцах к Тобольским уездом и один умер, а холопа моего мурза Кильдея там задержали. И ведомо от Адама и по се время такова дела не слыхали, что за воровских людей держат посланца». В 1694 г. российские власти освободили Кильдея и направили к Тауке-хану еще одно посольство Федора Скибина и Матвея Трошина. Основной миссией посольства было освобождение предыдущих посланников Андрея Неприпасова и Василия Кобякова.

Однако судьба и этих послов сложилась тяжело. Обращались с ними грубо и долго не отпускали домой. Андрей Неприпасов умер в плену. Его товарищам пришлось бежать кружным путем, через Бухару.

Российские власти нашли способ отомстить казахам и за набеги, и за унижения своих дипломатов. Здесь как нельзя кстати был калмыцкий хан Аюка. Этот во всех отношениях талантливый правитель, пришедший к власти в 1669 г., в чрезвычайно короткие сроки сумел укрепить свое положение. Вскоре с ним были вынуждены считаться правители многих стран как с реальной силой на международной арене. Несмотря на то, что калмыцкий хан считался вассалом российского царя, отношения между ними строились на партнерской основе.

Хотя Аюка-хан частенько организовывал набеги на русские села и города, в Москве на эти безобразия смотрели сквозь пальцы, поскольку калмыцкий хан оказался незаменимым союзником русских царей против как внутренних, так и внешних противников. В 1670 г. Аюка принял деятельное участие в подавлении восстания Степана Разина. Немалую роль он сыграл и в начавшейся в 1677 г. русско-турецкой войне, где стремительные рейды калмыцкой конницы неоднократно определяли исход битвы.

Получив новое задание из Кремля, Аюка обратил свое внимание на восток. В скором времени под властью калмыц-

кого хана оказались многие казахские и туркменские племена. «Авантажи» Аюки были с удовлетворением восприняты российскими властями. В 1697 г. Петр I, уезжая за границу, направил к Аюке специальное посольство во главе с князем Б. М. Голицыным, который передал хану просьбу царя взять на себя охрану государственных рубежей. Польщенный таким доверием, степной владыка легко пошел на подписание договора, в котором, в частности, было записано: *«Если Аюка-хан будет воевать бухар, каракалпаков, хасаков (т. е. казахов. — Р. Т.), то русские должны дать ему пушки, также давать ему ежегодно по 20 пуд пороху и 10 пуд свинцу»*.

Во втором десятилетии XVIII в. Петр I всерьез обратил внимание на Азиатский континент. Поводом стали сведения о богатых месторождениях золота, находящихся на территориях Восточного Туркестана и Средней Азии. В июле 1715 г. из Тобольска в поход выступил отряд И. Д. Бухгольца, в апреле 1717 г. в поход на Хиву выступил отряд А. Бековича-Черкасского. Однако эти экспедиции закончились провалом. И. Д. Бухголец понес большие потери в боях с джунгарами и был вынужден отступить. Отряд Бековича-Черкасского был вырезан почти поголовно.

Будучи хорошо осведомленными об этих событиях, казахские ханы решили вступить в военный союз с Россией. В 1715 г. новым старшим казахским ханом стал Каип, и переговоры можно было начать с чистого листа. Главной темой переговоров было заключение военного союза против джунгар, которые стали совершать нападения на казахские аулы. По этому поводу хан Каип сообщал в письме к Петру I: *«Контайша, преступя свое шертование, моих улусов киргиз-кайсаков¹ разбил многое число»*. Русский солдат З. Белослуцев подтверждал эти сведения: *«Приходил на Казачью орду от кон-*

¹ Киргиз-кайсаки, или просто киргизы, — название, закрепившееся за казахами в российских документах с начала XVIII в.

тайши Чарин-Дундук и побил Казачью орду и взял к себе в полон людей немалое число».

Первое посольство в Казань было направлено ханом Абулхаиром осенью 1715 г. для подписания мира с башкирами и размена пленных. В сентябре следующего года в Тобольск прибыло посольство хана Каипа для заключения военного союза против джунгар. Руководители этой миссии для демонстрации своих благих намерений доставили губернатору М. П. Гагарину отбитого у джунгар русского офицера М. Трубникова из отряда И. Д. Бухгольца. В письме казахский хан предлагал совершить совместный поход на джунгар.

М. П. Гагарин жаждал мщения за провал восточно-туркестанской экспедиции и, препровождая в столицу послание казахского хана, писал: *«И я о том доношу величеству Вашему, что отказать им того конечно ненадобно потому, государь, что соседи они ближние тому калмыцкому владельцу и разоряют они его всегда, и опасность, государь, он от Казачьей орды... имеет».* К хану Каипу сибирский губернатор направил посольство с ответом, что *«когда-де его царское величество укажет послать на контайшу, то [он] будет иметь о том согласие и пришлет ведомость тогда к ним».*

Однако в Петербурге справедливо рассудили, что подобная военная кампания не соответствует интересам империи. Джунгария выполняла важную функцию сдерживания Цинской империи, являвшейся в ту пору главным противником России на Дальнем Востоке. М. П. Гагарин вскоре попал в немилость: уличенный в казнокрадстве, он был снят с должности и казнен.

Срыву переговоров способствовал набег хана Абулхаира на Новошешминск. Хан Каип приносил извинения за этот случай, считая истинным виновником набега беглого российского подданного Сеита. Он обещал прислать его голову российским властям, но своего слова не сдержал. Кроме того, в степи еще гуляло много вольных батыров, которые никому

не подчинялись, совершая набеги без учета внешнеполитических интересов Казахского ханства.

В свою очередь, российские власти почти в ультимативной форме стали требовать от Каипа принятия российского подданства. Посольство Ф. Жилина в 1717 г. привезло послание казанского губернатора П. С. Салтыкова, в котором хану Каипу предлагалось в *«знак своей же верности прислать посланцев своих и письменное веление с подписанием рук своих, что по закону своему в правоверности своей при его пресветлейшего царского величества державе мирна жить и служить вы желаете»*. Это обращение вызвало раздражение казахской верхушки. Посольство оказалось под арестом.

Освобождено посольство было лишь в конце 1718 г., с ним направился в Казань батыр Тайкомур. В очередном послании на имя Петра I Каип вновь предлагал начать совместную войну против джунгар. Однако после грубого обращения с посольством Ф. Жилина положительного рассмотрения подобного предложения ждать не приходилось. В ответном послании губернатора П. С. Салтыкова указывалось: *«впредь с ним, контайшою, он, Каип-хан, управлялся, как ему по своему намерению достойно»*. Ознакомиться с этим письмом Каипу не довелось: в конце 1718 г. он был убит неизвестными противниками из Среднего жуза.

Все контакты были прерваны. В 1723 г. казахи подверглись очередному крупному нападению джунгар, захвативших сырдарьинские города. Под этим натиском большая часть племен бежала к Бухаре и Самарканду. Только хан Абулхаир, контролируя небольшой клочок территории к северу от Аральского моря, сумел наладить организованное сопротивление вражеским войскам. Параллельно с борьбой против джунгар он совершал походы и в другом направлении. Страдая от казахских набегов, калмыцкие и башкирские правители бесполезно зывали к российским властям: сил у империи на границе с восточной частью кипчакской степи было не много. Проры-

ваясь через редкие и малочисленные кордоны, казахи нередко громили и русские поселения.

В этот период казахи вели серьезную борьбу против яицких казаков, выступавших в роли первого рубежа обороны Российской империи и союзников калмыцких правителей. Это была длительная и жестокая война, ставшая главным испытанием для Яицкого казачьего войска в первой четверти XVIII в. Российское правительство не имело полной информации о подробностях этого конфликта, но даже отдельные сведения позволяют судить, как тяжело было казачеству сдерживать натиск степняков¹. Яицкий городок, защищенный артиллерией, был неприступен, но пути сообщений анклава с остальной частью России были очень уязвимы. Казакам постоянно приходилось ездить сотни верст по степи до ближних поволжских городов.

В одном из писем яицкие атаманы сообщали Петру I: *«Начав с 1701 года, приходят к нам рабам твоим, под наш казачий городок и когда бываем для соли и рыбы в степи во вся годы, и до ныне, воинские люди каракалтаки и киргис-кайсаки большим собранием и отгоняют у нас конские и скотские табуны и нас, рабов твоих, в полон берут и бьют на смерть»*.

Вот краткая хроника нападений казахов на яицких казаков. В 1709 г. казахи разгромили обоз в шесть тысяч телег, под охраной тысячи казаков направлявшийся из Яицкого городка в Сызрань. Большое число казаков было убито и взято в плен. Через два года шеститысячный отряд кочевников разбил еще один торговый обоз, взяв в плен 300 казаков и захватив

¹ Историк, автор работы «Уральцы» А. Б. Карпов отмечал: «До нас дошли сведения чисто случайные, — то виде позднейших челобитен войска, то при перечне службы какого либо старшины или казака, то из челобитных вышедших из плена казаков. Подлинных-же донесений войска о этих делах не найдено. Сходят казаки в поход, вернутся назад в городок и на прошлое кладется пелена забвенья. Ни в Казань, ни в военную коллегию доносить об этом они не считали нужным. Это было их домашнее дело».

1000 лошадей. В 1713 г. отряд из 800 казахов разграбил казацкий караван, возвращавшийся из Самары, перебив и пленив часть казачьего конвоя. В том же году казахи, прорвавшись за вал между Яиком и Чаганом, насыпанный специально для защиты скота, убили и взяли в плен 20 казаков, находившихся при табунах, и отогнали четыре тысячи лошадей.

В 1714 г. шеститысячный отряд казахов и каракалпаков совершил нападение на большую казачью станицу, снаряженную в степь для добычи соли. Казакам, занявшим круговую оборону, пришлось в течение шести суток сидеть в осаде, отбивая атаки кочевников. В ходе этого столкновения казаки потеряли 20 человек убитыми и пленными и 300 лошадей. В 1715 г. нападению подвергся обоз, следующий из Сызрани: 20 казаков было убито и около 100 взято в плен.

Эти нападения стали причиной усиления охраны обозов. Их стали конвоировать регулярные войска, что, впрочем, тоже не гарантировало безопасности. В 1716 г. казахско-каракалпакский отряд разгромил хлебный обоз, следовавший в Яицкий городок в сопровождении отряда солдат из Алексеевска.

В 1717 г. отряд из 600 казахов отогнал 300 лошадей из-под самого Яицка, захватив в плен находившихся при табуне семерых казаков. Не ограничиваясь нападениями на обозы, в том же году казахи предпринимают попытку взятия Яицкого городка, которая закончилась безуспешно. 25-тысячное казахско-каракалпакское войско несколько недель держало в осаде городок, после чего отступило в степь.

Малочисленному казачьему войску¹ в это время оставалось только держать оборону, поскольку на открытом пространстве столкновение с превосходящим по численности казахским ополчением закончилось бы катастрофой. Когда в 1718 г. большое казахско-каракалпакское войско, разграбив

¹ В 1717 г. в войске насчитывалось около пяти тысяч казаков.

поволжские села, на обратном пути переправлялось неподалеку от Яицкого городка, казаки, оценив численность противника, не решились сделать вылазку из крепости и дать бой. Впоследствии этот эпизод послужил причиной для обвинений в предательстве в адрес атамана Степана Филимонова. Но эти наветы не имели под собой никакой почвы. Казакам в эти годы действительно с огромным трудом удавалось удерживать даже сам городок.

Весной 1719 г. в результате неожиданного налета степняков яицкие казаки потеряли две тысячи лошадей, находившихся на пастбищах под городком. В июле того же года хан Абулхаир во главе 20-тысячного казахско-каракалпакского войска вновь осадил городок, видимо, рассчитывая взять его измором. Описывая эти события в челобитной к Петру I от 4 марта 1720 г., казачья верхушка сообщала: *«А ныне нам рабам твоим, от находов неприятельских людей каракалпак и киргизцев великая нужда и изневательства — потому, что оные вышеупомянутые, каракалпаки и киргизцы соединяются двумя ордами вместе за одно и приходят под наш городок большим собранием тысяч по осьми и по десяти и нам рабам твоим из домов для нужд своих хлебных запасов и выезду нет; конские и иные скотинныя табуны без пристани отгоняют, и нас рабов твоих в степи многое число в полон берут и бьют на смерть и в прошлом 1719 году июля в 10 день всем войском сидели в усаде от тех вышеупомянутых людей до самые осени».*

Несмотря на столь тяжелое положение, время от времени казаки организовывали удачные набеги на крайние казахские улусы, находившиеся на Эмбе, или перехватывали небольшие отряды кочевников, совершавшие нападения на русские поселения. В сентябре 1720 г. отряд из 900 казаков под командованием Никиты Бородина между реками Самара и Малый Кинель сумел перехватить возвращавшийся из набега на Казанскую губернию отряд в 500 человек под началом батыров Тарыберды и Улубая. В ходе боя 300 казахов было уби-

то и 50 взято в плен. Двоих пленников казаки переправили в Санкт-Петербург, за что удостоились похвальной грамоты от царя.

Но стремительные набеги кочевников наносили казакам более ощутимый ущерб. В отличие от прошлых лет казахи, не давая передышки казакам, стали совершать нападения и в зимний период. В начале 1722 г. отряд из 300 казахов разбил зимовую станицу и взял в плен около 70 казаков. В феврале того же года казахи отогнали все табуны, и войско осталось практически безлошадным. В начале весны казахи окружили в степи отряд казаков, выехавших для добычи соли. Казаки, отрезанные от воды, три дня просидели в осаде и были спасены лишь подоспевшими на выручку калмыками под началом Доржи Назарова.

Осенью 1723 г. во время наступления войска Абулхаира на калмыцкие кочевья состоялось несколько небольших боев между казаками и казаками, в которых верх брала то одна, то другая сторона. В июне 1724 г. под городком был разгромлен хлебный обоз, идущий из Самары. В ходе боя было убито и попало в плен 68 казаков. Затем тысячей казахов на р. Утве был разбит отряд из 700 казаков под командованием Ивана Логинова. 72 казака было убито в бою, многие оказались в плену. Такая же участь постигла отряд Никифора Бородина, потерявшего убитыми и пленными 32 человека.

Эти ожесточенные столкновения и большие потери казаков, наконец, заставили правительство усилить оборону Яицкого городка. Летом 1725 г. казакам было выделено дополнительно 5 пушек, 12 пудов пороху, 300 ядер, 200 зарядов дробы и картечи. Но к этому времени натиск казахов стал затихать. В том же году часть элиты казахского Младшего жуза решила вступить в переговоры с российскими властями.

Вопреки мнению многих авторов, Абулхаир не имел отношения к этой инициативе. Прошение о принятии в подданство было подписано малоизвестными старшинами. Вероятно,

это была верхушка отдельного племени. Отсутствие имени какого-либо казахского хана в послании, видимо, стало главной причиной холодного приема данного посольства в Петербурге. Коллегия иностранных дел наложила на прошение резолюцию: «Полезны, чтоб под протекцией ее императорского величества быть, не находится». В итоге власти, не дав никакого ответа, выпроводили посла.

Начало. Русское подданство: за и против

*Структура власти
Первые степные подданные России
Русские посольства
Самостоятельность и протекторат
Башкирское восстание
Укрепление контактов*

В начале 30-х гг. старшим и, безусловно, самым авторитетным казахским ханом считался хан Абулхаир¹. Под его руководством в течение 20-х гг. были одержаны значительные победы над соседями и расширена территория казахских кочевий в степи.

Некоторые историки, описывая данный период казахской истории, рисуют довольно стройную структуру Казахского ханства (Казахских ханств). Они делят ханство на три жуза, во главе которых стоят отдельные ханы. Но в реальности самостоятельных улусов было намного больше, чем жузов.

Самые крупные из них. В состав Младшего жуза входили: владение самого Абулхаира, состоявшее из большей части

¹ Часть казахстанских историков не соглашается с этим мнением. Согласно одному из казахских преданий, приведенных в работе М. Тынышпаева, Абулхаир был лишь правителем Младшего жуза, старшим казахским ханом являлся Абулмамбет. Однако все существующие письменные источники говорят, что старшим казахским ханом действительно считался Абулхаир, в то время как Абулмамбет являлся простым султаном.

племени алимулы; улус его сына Нуралы, управлявшего племенем байулы; улус султана Батыра¹, которому подчинялась часть алимулинских родов; улус жетыру, которым управляли батыры Бокенбай и Есет.

В Среднем жузе самым крупным считалось владение хана Самеке, которого своим ханом считало большинство аргынских родов. Но меньшим авторитетом в этом улусе пользовался легендарный бий Казыбек. Ядром другого улуса было племя найман, ханом которого считался хан Кучук, но реальным правителем являлся его брат султан Барак. На границе с кочевьями Младшего жуза часть аргынских родов находилась под управлением батыра Джанибека.

Племена малочисленного Старшего жуза держались обособленно. Их представители не принимали участия в ежегодных курултаях, на которые съезжались все авторитетные вожди Среднего и Младшего жузов. Самым сильным и многочисленным в Старшем жузе являлось племя дулат. Его правителем считался хан Жолбарс, но фактическая власть была сосредоточена в руках знаменитого Толе-бия.

Ханы избирались на народных собраниях — курултаях. Строгих правил наследования не существовало, на белой кошме могли поднять любого чингизида. Однако чаще всего новым ханом избирался сын либо брат покойного правителя. В начале XVIII в. собственным ханом мог обзавестись даже какой-нибудь маленький род, но чаще всего хана избирало большое племя.

Высокий статус чингизидов был связан с их инородным происхождением. Они являлись стержнем, вокруг которого могли объединяться разные племена во время конфликтов, поскольку в первую очередь ханы являлись военными предводителями. Не случайно ташкентский мулла Нурмухаммед в 1735 г., рассказывая российским властям о хане Абулхаире,

¹ Сын хана Каипа. Приходился зятем Абулхаиру.

подчеркивал: *«Получил себе ханство по случаю войны зюнгарских калмык владельца контайши»*.

Другой важной функцией ханов была также связанная с их происхождением возможность посредничества между племенами по различным вопросам. Как гласит предание, хан Аблай завещал потомкам никогда полностью не разрешать споры и тяжбы среди казахов, чтобы чингизиды не утратили своего влияния.

Третью опору власти, обусловленную статусом потомков Чингисхана, В. П. Юдин назвал чингизизмом. Как отмечал И. Г. Георги, *«хану оказывают они, правда, не строгое повиновение, однако ж отменное почтение, как будто священной особе»*.

Репутация фамилии, родоначальником которой являлся Чингисхан, давала ее представителям большие возможности. Поэтому время от времени казахские чингизиды становились башкирскими, каракалпакскими, кыргызскими, ногайскими, туркменскими и хивинскими ханами. Российские власти в силу старинных традиций также признавали право представителей этой династии претендовать на царский титул.

Но для реальной власти этого, конечно, было мало. Казахские ханы не имели права взимать налоги, не могли вершить суд по своему разумению и не обладали почти никакой реальной силой. В мирное время единственной силой, находящейся в их распоряжении, были немногочисленные отряды туленгутов¹.

Более серьезная власть находилась в руках знати «черной кости», поскольку за каждым бием или батыром стояли тысячи его сородичей и соплеменников. Как писал П. И. Рычков, *«двинуть киргизов на какое-либо дело можно лишь с одобрения*

¹ Ханскими дружинниками-туленгутами становились в основном пленники или беглецы инородного происхождения (калмыки, башкиры, русские). Часто среди них встречались и казахи, по каким-либо причинам покинувшие свою общину.

многочисленных родовых глав; веление самого хана имеет сравнительно мало значения». Дань, собираемая с сырдарьинских городов и поселений, или подарки, получаемые от иностранных посланников, большей частью доставались именно главам родов и племен.

Биев и батыров, управлявших племенами и родами, никто не назначал и не избирал. Их власть не передавалась по наследству. Человек, прославившийся умом, справедливостью, знанием степных законов и прецедентов, постепенно становился популярен как третейский судья и приобретал репутацию бия. Человек, неоднократно проявивший себя в ходе военных столкновений, становился известен как батыр. Самые выдающиеся бии и батыры в силу своего авторитета со временем приобретали власть над целым родом или племенем и представляли его интересы на народных собраниях, переговорах и т. п. Но и их власть была не безграничной, и им постоянно приходилось подтверждать свое право на первенство. Потеряв репутацию в глазах племени, вождь сразу же терял влияние.

Самые крепкие позиции в общей структуре власти принадлежали находящимся на низовом уровне аксакалам — главам больших семей. В условиях неограниченной полигамии такие отцы семейств располагали десятками, а иногда и сотнями отпрысков, беспрекословно подчинявшихся главе своего клана. Данный вид подчинения являлся не только и не столько данью патриархальным традициям. Старики были носителями драгоценных знаний, без которых в суровых степных условиях выжить было нельзя:

Как пишет Н. Э. Масанов, *«чаще всего нормальное функционирование кочевого типа хозяйства обуславливалось в прямом смысле слова прежде всего качественно-количественным объемом знаний общественного лидера и каждого индивида. ...Как правило, о всех нюансах и особенностях природных циклов, географии расположения сезонных пастбищ, кратчай-*